

Гарри, Рон и Гермиона сошли с Хогвартс-Экспресса на платформу девять и три четверти, волоча за собой школьные сундуки. Окинув взглядом платформу, они увидели, как студенты с вещами пробиваются сквозь толпу или с волнением ожидают родителей. Последние же, заметив своих детей, сошедших с поезда, торопились обнять их. Некоторые семьи незамедлительно аппарировали, не желая находиться здесь больше необходимого, в то время как другие решительно вели детей к проходу к вокзалу Кингс-Кросс в мир магглов.

Осмотревшись, они удивились, насколько безлюднее здесь стало по сравнению с прошлым годом. Люди держались небольшими группами и шепотом приветствовали друг друга. Неиспользуемые багажные тележки стояли вдоль стен. Раньше здесь шагу нельзя было ступить без того, чтобы не попасть кому-нибудь локтем в бок, если хочешь найти кого-то — такая была давка.

— Итак, — начал Гарри, загрузив на тележку свой чемодан и клетку с Хедвиг, — какие у нас планы хотя бы на следующие несколько недель? До моего дня рождения все равно делать нечего.

— Ну, я уверен, что буду занят, — простонал Рон, — семья уже начала готовиться к свадьбе Билла, а она даже не в следующем месяце. Им пришлось передвинуть дату, потому что... ну, ты знаешь, Билл...

На секунду все замолчали, зная, что Биллу потребуется некоторое время, чтобы оправиться от нападения Грэйбэка.

— И еще впереди нас ожидает экзамен по аппарации, — сказала Гермиона, чтобы нарушить неуютное молчание.

— Да, и мы должны для этого прибыть в министерство, — сказал Гарри, — ведь мы все ещё сдаём его вместе, верно?

— Еще бы! — ответил Рон. — Я попрошу папу договориться о времени, как только приеду домой.

— Ладно, — сказал Гарри и повернулся к Гермионе, — а ты до свадьбы будешь у своих родителей?

— Ну, — неуверенно начала Гермиона, — я думала, что буду с тобой, когда ты уедешь от Дурслей. Если ты не возражаешь, конечно. Я могла бы помочь перенести твои вещи на Гриммаулд-плэйс. Я думаю, что ты разрешишь нам остаться с тобой, пока не покинешь этих ужасных людей.

— Нет, — ответил Гарри с тихим вздохом, — я, конечно, хочу, чтобы вы были со мной, но дядя Вернон никогда этого не разрешит.

— Ты не пробудешь там очень долго, — добавил Рон, — свадьба состоится за несколько недель до твоего дня рождения, и, как я сказал, я буду полностью занят её подготовкой. Мама уже говорит о том, чтобы передвинуть весь сад ближе к пруду, если нам понадобится больше места.

В этот момент он заметил миссис Уизли, которая торопливо подошла к трио и крепко обняла каждого:

— Как доехали, дорогие мои? — спросила она.

Рон быстро взглянул на Гарри и Гермиону, прежде чем ответить:

— Хорошо, мама.

Заметив его колебание, миссис Уизли уставилась на троицу. Гарри быстро добавил:

— Все в порядке, миссис Уизли, серьезно.

Все еще не до конца убежденная, она еще раз с тревогой осмотрела троицу и, не заметив ничего неладного, оставила их, наконец, в покое.

— Ну, пора идти, Рон, нам много что надо сделать в «Норе»... Честно, я не знаю, как мы сможем все успеть в срок!

Только теперь Гарри заметил, что Джинни нигде не было видно:

— Где Джинни? — спросил он, осматриваясь вокруг. — Я уверен, что она была в поезде.

— Я уже аппарировала с ней в «Нору», — начала миссис Уизли, — она настояла на том, чтобы я переместила её. Кажется, она была немного расстроена, но не сказала, почему.

— Я тоже этого не знаю, — заметил Гарри. — Я не видел её с тех пор, как мы садились в Хогсмиде.

— В любом случае, мы с вами увидимся очень скоро, я уверена, — сказала Молли Гарри и Гермионе, ведя Рона к месту для аппарации.

— Пошли нам сову, как только вернешься к Дурслям, если тебе что-то понадобится, — сказал Рон перед тем, как он и миссис Уизли с громким хлопком аппарировали.

Гарри повернулся к Гермионе:

— Пойдем скорее, пока дядя Вернон не начал...

Гарри внезапно замолчал, взглянув за плечо Гермионы и заметив очень старую волшебницу в обычной серой мантии. Она приветствовала юного студента, который только что сошел с поезда. За ней стояла маленькая девочка, одетая в изорванную, залатанную одежду. Гарри мог сказать, что когда-то ее мантия была черной, но с годами стала серой, ее явно стирали множество раз. На девочке был так же просвечивающий, изношенный плащ, его капюшон был накинута на голову, затеняя большую часть её лица.

Что-то в сознании Гарри всколыхнулось, когда он взглянул на маленькую девочку; он смутно припоминал её, хотя был уверен, что никогда её раньше не видел. Он двинулся вперед, пока старая волшебница и студент приветствовали друг друга, и спросил Гермиону:

— Ты знаешь, кто они?

Гермиона, уже обернувшись, чтобы увидеть, что отвлекло Гарри, ответила:

— Этого мальчика зовут Барнабас Уиндон, он второкурсник с Хаффлпаффа, если я не ошибаюсь.

— Это его семья? — спросил Гарри, не отводя глаз от маленькой девочки.

— Я не уверена, но думаю, да... — ответила Гермиона.

Не зная, почему, но Гарри пошел в их сторону. Гермиона следовала за ним, отставая на несколько шагов. Подойдя к ним, Гарри увидел, что мальчик стоит с открытым ртом и смотрит на него распахнутыми удивленными глазами.

— М-м... Привет, — сказал Гарри, обращаясь к юному хаффлпафцу.

Барнабас замер на мгновение, не веря, что с ним говорит Гарри Поттер:

— М-м... м-м... привет?

— Меня зовут... — начал Гарри.

— Г-Гарри П-П-Поттер! — прошептал Барнабас в благоговении.

Старая волшебница подняла свои брови:

— Гарри Поттер? — спросила она надменным голосом. Гарри подумал, что ее манера говорить

в точности, как у Драко Малфоя.

— Да, — просто ответил Гарри, — а это моя подруга, Гермиона Грейнджер.

Гермиона кивнула и кротко улыбнулась.

— Да... — повторяла старая волшебница, на секунду замолчала и продолжила: — Что мы для вас можем сделать, мистер Поттер?

— Я просто хотел пожелать Барнабасу удачных каникул, — Гарри повернулся к Барнабасу. — Я надеюсь, что ты вернешься в Хогвартс на следующий семестр, если школу снова откроют. Я абсолютно уверен, что Хогвартс — одно из самых безопасных мест, где ты мог бы быть, даже учитывая... недавние события.

Гермиона стояла на несколько шагов позади него, гадая, зачем Гарри разговаривает с этими людьми, минуту назад узнав, кто они.

— Ну, с-сэр... — начал Барнабас.

— Зови меня Гарри, — прервал тот, улыбаясь.

— М-м... — помедлил Уиндон, все еще удивляясь от того, что Гарри знает о его существовании. — Ну...

Старая волшебница, видя, что Барнабас не способен ответить сам, сказала:

— Уверяю вас, что, если школу в самом деле откроют, и Барнабас, и эта девочка будут её посещать, — она указала на маленькую девочку, которая застенчиво скрывалась за одеждой старой волшебницы. — Её зовут Котоне Оутэ, и она пойдет в школу этой осенью.

Гарри повернулся к Барнабасу и переспросил:

— Котоне? Она выглядит очень маленькой, чтобы ходить в школу... Она твоя сестра?

— Моя сестра? — удивился Барнабас, опуская глаза. — Нет, у меня нет семьи. Разве ты не знаешь, что я живу в приюте Министерства? Мы оба там живем...

— Ох... Извини меня, приятель, я не знал, — сказал Гарри, смущаясь.

— Не нужно извиняться, Гарри, — сказал тот с понимающей улыбкой. — Я знаю, что ты тоже сирота. Несмотря на то, что Котоне так по-детски выглядит, в августе ей будет одиннадцать.

Гарри кивнул. Он задумался: могла ли жизнь в волшебном сиротском приюте быть лучше, чем его безрадостное воспитание у Дурслей?

Он развернулся к маленькой девочке, которая до сих пор пряталась за старой волшебницей:

— Котоне, ты хочешь пойти учиться в Хогвартс в этом году?

— Она не говорит, — сказала старая волшебница, её голос стал мягче, — но она может мысленно общаться с тобой, если захочет.

Впервые за все время, как Гарри подошел к ним, маленькая девочка выглянула из-за пожилой волшебницы. На её голову все ещё был низко опущен капюшон плаща, и высокий воротник был поднят, скрывая нижнюю часть лица. Любой взглянувший на неё мог увидеть только удивительные фиалковые глаза, сверкающие из тени капюшона.

Выражение лица Гарри заметно смягчилось, когда его взгляд встретился с её глазами, печальные фиалковые пересеклись с ярко-зелеными. Он долгое время пристально глядел на неё. Поезд, люди, вся платформа, казалось, растворилась вокруг них.

Потом он услышал мягкий, неземной и странно знакомый отдающийся эхом голос. Она, несомненно, говорила на другом языке, но слова будто переводились у него в голове: «Пожалуйста, не беспокойся, я защищу тебя».

Гарри не сводил с неё глаз, пока она снова не исчезла за мантией пожилой волшебницы. До того, как её глаза исчезли за одеждой, он чувствовал, что она улыбается под воротником, несмотря на то, что миндалевидные глаза оставались печальными.

Когда же зрительный контакт был разорван, внезапное возвращение к реальности заставило Гарри растеряться. Он слегка тряхнул головой и моргнул, пытаясь привести себя в чувство. Он думал о том, что девочка имела в виду, говоря, что защитит его.

Гарри посмотрел на пожилую волшебницу:

— Это легилименция?

— Я полагаю, одна из её форм... Необходимо время, чтобы привыкнуть к её форме общения, — ответила она.

— Вы правы, — согласился Гарри. — Мне было приятно с вами познакомиться, мадам, пожалуй, больше не буду вас задерживать.

— До свидания, мистер Поттер, — сказала пожилая волшебница.

— До свидания, — сказал Барнабас кротко, все ещё не веря, что Гарри действительно говорил с ним.

Гарри развернулся, чтобы уйти, но остановился и вновь повернулся к ним, доставая кошелек из кармана своей куртки.

— Мадам, не могли бы вы сделать мне одолжение? — спросил он, опустошая свой кошелек в руку пожилой волшебницы.

Она посмотрела на кучу волшебных монет в своей руке и взглянула на Гарри с любопытством.

— Не могли бы вы купить Котоне новый комплект одежды для школы, а если останется, потратьте их на новые книги, — попросил Гарри, — ей и так будет нелегко приспособиться, ведь она раньше не встречалась с высокомерием некоторых людей.

Первый раз за все время пожилая волшебница улыбнулась Гарри и просто кивнула.

— Пойдем, Гарри, — сказала Гермиона, — нам нужно идти, наши семьи, вероятно, уже начали волноваться...

Гарри наградил Гермиону взглядом, четко говорящим, что последнее, что Дурсли будут делать для Гарри, так это волноваться о нём.

— Прости... — Гермиона взглянула на Гарри с извиняющимся видом, четко понимая, что он хотел сказать.

Они двинулись к проходу, ведущему к вокзалу Кингс-Кросс. Гарри заметил, что Гермиона бросала на него взгляды, пока они шли. По выражению её лица было видно, что она спорила сама с собой, желая задать ему какой-то вопрос, но не была уверена в том, что он не хотел, чтобы ему этот вопрос задавали.

Они уже были около прохода, как Гермиона, приняв, наконец, решение, схватила Гарри за руку и потянула в сторону.

— Гарри, — начала она, нервно поглядывая на своего лучшего друга, — я считаю, что ты должен сходить в больницу Святого Мунго. То, что случилось в поезде, едва не напугало нас до смерти! Даже аврор подумал...

— Гермиона, — сказал Гарри со вздохом, — я в порядке. Со мной все хорошо, я, наверное, нормально не высыпаюсь после... ну, ты знаешь...

— Гарри, ты не в порядке! — свирепо зашептала она. — «Люди, у которых все в порядке», не

говорят о том, что видят повсюду мертвецов... «Люди, у которых все в порядке» не говорят, что не могут думать... — её голос стал чуть выше, и Гарри видел, что она готова заплакать, — «Люди, у которых все в порядке» неожиданно не падают и чуть не умирают! — Гарри слышал мольбу в её голосе, — Гарри, больше всего меня пугает то, что ты, проснувшись, ничего этого не помнил. Если бы ты себя слышал, то тоже бы испугался!

Потом Гермиона сделала то, чего Гарри не ожидал. Она обхватила его руками, уткнулась лицом в его грудь и крепко обняла. Слабый всхлип сорвался с её губ, и она продолжила:

— Пожалуйста, Гарри... если что-нибудь случится у Дурслей, они не будут знать, что делать. Я буду себя чувствовать спокойнее, если за тобой будут присматривать.

Гарри беспомощно огляделся над её головой и прошептал:

— Гермиона, я в порядке, правда. Я тебе обещаю, что если я почувствую себя нехорошо, я пошлю Хедвиг тебе или Рону...

— К тому времени, как Хедвиг доберется до одного из нас, может оказаться поздно! — икнула Гермиона и отпрянула от его груди, чтобы посмотреть ему в глаза. — Я боюсь думать о том, что было бы, если аврор не...

Гарри нежно обхватил её лицо ладонями. Он вытер пальцами слезы, бегущие по её лицу, и улыбнулся ей.

— Слушай, Гермиона, я просто устал. После хорошего сна я буду здоров, как гиппогриф.

Гермиона посмотрела ему прямо в глаза, попыталась показать, как она беспокоится за него, но, увидев непреклонный взгляд на его лице, просто вздохнула и признала поражение.

— Хорошо, если ты не хочешь идти в больницу, тогда позволь мне проводить тебя домой.

— ЧТО! — Гарри пораженно уставился на неё. Допустим, Гермиона останется с ним, но что скажет на это Рон? Гарри выкинул из головы эту мысль. — Дядя Вернон никогда не позволит тебе остаться!

— Не для того, чтобы остаться, Гарри, — уточнила она на случай, если он ее не так поймет.

— Для того, чтобы я смогла аппарировать к тебе домой, мне нужно там до этого побывать. Как только мы окажемся у тебя, я вернусь домой к родителям и смогу возвратиться, когда тебе потребуется.

— А, понятно, — сказал Гарри, который, к своему удивлению, почувствовал легкий укол

разочарования. — И не повредит спросить дядю Вернона; ты же знаешь, как он относится к «нашему типу» людей.

— Точно, тогда... — сказала Гермиона, выпрямляясь и вытирая остатки слез, — пойдем, спросим.

Минутой позже они вышли с платформы девять и три четверти в шумный вокзал Кингс-Кросс. Сразу же Гермиона заметила своих родителей, которые переговаривались между собой неподалеку, терпеливо ожидая, когда придет их дочь.

Пока Гермиона приветствовала своих родителей, Гарри осмотрелся вокруг, пытаясь найти Вернона Дурсля среди суетливой толпы пассажиров.

«Странно, — подумал он, — этого толстого мерзавца обычно довольно легко заметить».

Гарри вышел из вокзала и осмотрелся на парковке, ожидая увидеть машину Дурслей, но после почти пятнадцати минут поисков он начал задумываться, не перепутал ли его дядя день или, возможно, ушел после нескольких минут ожидания.

Гарри развернулся и заторопился внутрь. К счастью, Гермиона еще не ушла со своими родителями. Входя в вокзал, он услышал, что его зовут по имени.

— Гарри! Сюда! — он увидел, что Гермиона машет ему, прокладывая себе дорогу сквозь толпу. Жестами он показал ей, чтобы она шла к закрытому билетному киоску, где было не так много народу.

Наконец, выбравшись из толпы пассажиров, которая направлялась к поездам или спешила от них прочь, они нашли возможность поговорить.

— Где твой дядя? Я сказала своим родителям, что провожу тебя до дома, конечно, если ты не против, — сказала Гермиона.

— Я не могу его найти, — сказал Гарри, осматривая толпу, все еще надеясь поймать его взглядом, на случай, если он опоздал, — я посмотрел на парковке, но не увидел его машины. Твои родители ещё здесь? Возможно, они смогли бы меня подвезти, если он не появится.

— Нет, — сказала Гермиона, — они уже уехали вместе с моими школьными вещами. Я сказала им, что аппаррую назад домой, как только увижу твой дом.

— Думаю, нам нужно подождать, я не знаю, что буду делать, если он забыл, что я возвращаюсь сегодня. Мы прибыли раньше обычного в этот раз.

Гермиона взяла Гарри за руку и повела к выходу:

— Тогда мы должны ждать его снаружи.

Они вышли из вокзала на теплое послеобеденное солнце. И нашли скамейку, где они могли бы наблюдать за станцией в ожидании Дурслей.

Некоторое время они сидели молча, наблюдая, как люди входят и выходят в здание вокзала, пока Гермиона не прервала тишину:

— Ты сделал очень доброе дело для этой маленькой девочки.

Гарри на мгновение задумался, соображая, о ком она говорит, а потом слабая, мимолетная улыбка слетела с его губ, прежде чем она не сменилось мрачным взглядом.

— Мне стало её жалко. Я знаю, каково быть бедным. У меня никогда не было новых вещей, пока я рос. Вся моя одежда состояла из тряпья, которое не мог натянуть на себя Дадли. Ты, должно быть, помнишь, какая одежда была на мне, когда я ехал в поезде в первый год. Я все ещё смущаюсь из-за этого, даже сейчас. Я, наверно, выглядел жалко, — закончил он, слегка нахмурившись.

Гермиона ничего не сказала, она продолжала смотреть на постепенно иссякающий поток людей, проходивших мимо.

Гарри продолжил:

— Во всяком случае, я узнал, что у меня есть наследство, когда Хагрид взял меня с собой, чтобы купить мой первый комплект одежды. Эта девочка даже не имеет этого.

— Что она сказала тебе? — спросила Гермиона.

— Это было странно, — сказал он, — её голос просто тёк в мой разум, пока я смотрел ей в глаза...

— Ты видел её глаза? — спросила Гермиона. — Я не смогла разглядеть их из-под её капюшона.

— Я никогда не видел таких глаз, их трудно описать, тёмно-фиалковые, очень печальные... Но это печаль не «на грани слез», больше похоже, будто она несет какую-то ношу. Я понимаю, что это плохо похоже на объяснение, но... как я сказал, их тяжело описать.

Гермиона просто кивнула:

— Когда я посмотрел ей в глаза, я услышал её голос у меня в голове. Это был язык, который я раньше не слышал, но я понимал все, что она мне говорит, это было похоже на то, как я говорю на парселтанге. То, что она сказала, было странным... Во-первых, она сказала мне, чтобы я не беспокоился, потом она сказала, что защитит меня...

— И это всё, что она сказала? — спросила Гермиона. — Это любопытно.

Гарри задумался.

— Когда я впервые её там заметил, то готов был поклясться, что встречал ее раньше, но я знаю, что это не так. Думаю, что вспомнил кого-то, похожую на неё.

— А я-то думала, что заставило тебя подойти и заговорить с ними, — сказала Гермиона.

— Я не знаю, я просто почувствовал, что должен. Почувствовал своего рода связь.

Они посидели в тишине еще несколько минут, наблюдая, как дневной свет исчезает за верхушками зданий вокруг.

— Как ты сейчас себя чувствуешь? — спросила Гермиона.

Гарри вздохнул:

— По-прежнему немного уставшим, а так все в порядке.

— Я не думаю, что твой дядя приедет сегодня, мы должны были его уже заметить.

— Я думал о том же, — сказал Гарри.

— Что нам теперь делать? — спросила Гермиона. — Боюсь, я не смогу аппарировать нас двоих, может случиться расщепление.

— Думаю, надо вызвать автобус «Ночной Рыцарь», — сказал Гарри, — ой, но я же отдал все свои деньги той волшебнице...

— У меня найдется достаточно, чтобы заплатить за двоих, Гарри, — улыбнулась Гермиона, — я заплачу.

— Ты уверена, Гермиона? Ты не обязана ехать со мной; «Ночной Рыцарь» — не самое удобное средство передвижения, к тому же дорога до Суррея займет половину ночи.

— Все в порядке, Гарри, я совсем не против.

Гарри подумал секунду.

— Нет, правда, я хочу, чтобы ты сейчас же отправилась домой. Если ты мне дашь взаймы галлеон или два, я потом пошлю Хедвиг, чтобы отдать долг.

— Гарри, я хочу поехать с тобой. Это единственный шанс увидеть, где ты живёшь. Если я сейчас отправлюсь домой, то не смогу к тебе прийти, когда ты будешь нуждаться во мне.

Гарри уставился под ноги, подыскивая подходящие слова.

— Ты не знаешь, какая ты счастливая, Гермиона.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— У тебя есть семья, к которой ты можешь вернуться, родители, которые любят и скучают по тебе. Я уверен, что дома у тебя есть друзья, которые ждут тебя...

— Но... — прервала его Гермиона. Гарри не заметил, что она нахмурила брови.

— Гермиона, я все бы отдал, чтобы иметь то, что имеешь ты... что имеет Рон. Я потратил много времени, думая о том, какова была бы моя жизнь, если бы я провел еще немного времени с родителями, если бы они дожили до того момента, как я бы запомнил, как они выглядят! Ведь я даже не помню, как выглядели мои родители! У меня, конечно, есть фотографии, но это не одно и то же. Я чувствую, как будто краду время у тебя, которое ты могла потратить на настоящий дом, с настоящей семьёй. Ты знаешь, что нам предстоит сделать. Ты знаешь, как это опасно. Я хочу, чтобы ты отправилась домой сейчас же и наслаждалась каждой минутой, проведенной с ними.

— Гарри, ты ничего у меня не крадёшь, я просто хочу быть уверена, что ты...

Гарри взял её за руки и посмотрел прямо в глаза:

— Ты знаешь о том, насколько велика вероятность, что как только мы приступим к поиску, ты можешь больше их не увидеть. Если я выживу, мне некуда и не к кому будет возвращаться. Вам обоим, тебе и Рону, есть к кому. У вас обоих есть причины жить дальше, ради людей, которые любят вас, и...

Гарри помедлил, подбирая слова, которые никак не хотели составляться в предложение:

— ...ради друг друга.

Гермиона опустила взгляд, пытаясь скрыть слезы. Она помнила, что он шептал ей, прежде чем отключился в поезде. Она знала: если бы он правда любил её, то он бы скрывал свои чувства, либо для того, чтобы сберечь их дружбу, либо для того, чтобы оградить себя от ответа, что она не чувствует к нему то же самое. Она знала то, что сама чувствует. Она знала, что она безнадежно влюбилась в него в первый же год. Она боялась, что их дружба разрушится, если раскроется ее маленький секрет. Страх того, что он не любит её никак иначе, кроме как сестру, был достаточной причиной хранить свои чувства при себе. Он действительно думает так, как говорит? Неужели он хотел сказать, что любит Рона и её как брата и сестру?

— Я знаю, что вы оба со мной долгое время, — продолжил Гарри, — и вы знаете, что я нуждаюсь в вас обоих. Дамблдор это мне тоже говорил, и я с ним согласен, что для меня будет самоубийством пытаться пройти через все это без вас, но пока мы не начали, пожалуйста, не трать больше своё время на меня.

На этих словах Гермиона резко подняла голову вырвала свои руки из его.

— Даже не смей говорить мне, что время, проведенное с тобой — это напрасно проведенное время! — сказала она, вытирая глаза рукавом. — Придется тебе показать, насколько хорошо ты меня знаешь! Ты считаешь, что если у меня есть родители, то они меня обнимают, целуют, любят и заботятся обо мне с утра до ночи. Только потому, что ты никогда не имел друзей, из-за твоего кузена-ублюдка, запугивающего всех вокруг тебя, ты считаешь, что у меня много друзей, с которыми я могу поговорить.

Гермиона в ярости вскочила на ноги.

— Ничего не буду скрывать от тебя, мистер Поттер. Я знаю, у тебя было худшее детство, в сравнении со всеми, кого я знаю, но представь себе на мгновение, что ты не единственное опечаленное, одинокое и игнорируемое существо на этой планете. Допустим, ты никогда не знал своих родителей, ладно, мне очень жаль, но представь, каково это иметь живых родителей, но пропадающих почти каждый день на работе. Представь себе, даже когда они приходят домой, ты никогда их не видишь, потому что они недоступны, занятые перебиранием бумаг и счетов, пока ты не уснёшь. Представь, что они бросают тебя на неделю, в это время отдыхая на экзотическом курорте, и оставляют тебя с убогой, отвратительной няней, которая с великим удовольствием превращает твое жалкое существование в настоящий ад каждый раз, как ты высываешь голову из своей комнаты. Допустим, другие дети боятся становиться твоими друзьями, но представь, мистер Поттер, что каждый день в школе или просто, если ты прогуливаешься по улице, тебя обзывают «Ослозубой дурой» или «Бобром Баком»; тебя бьют все остальные дети, просто потому, что ты уродлив!

Глаза Гермионы горели:

— Потом в Хогвартсе я думала, что в окружении мне подобных меня примут такой, какая я есть, но обнаружилось, что я магглорожденная, и это делало меня ничтожней «Ослозубой

дуры». Я неожиданно преобразовалась в «грязнокровку», в грязь магического мира!

Гермиона стояла лицом к лицу с Гарри, её руки вцепились в спинку скамейки.

— Ты думаешь, почему я стала, как точно выразился Снейп, «невыносимой всезнайкой»? Ты думаешь, почему поза с опущенной в книгу головой стала так мне естественна? Я скажу тебе, почему... Потому что за всю мою несчастную жизнь было лишь одно место, где меня не унижали, не оскорбляли и не пренебрегали мной — в, чтоб её Мерлин побрал, книге!

Гарри онемел. Он чувствовал горячее дыхание Гермионы на своём лице, когда она говорила. Его сердце колотилось о ребра. Он никогда не знал эту сторону жизни Гермионы.

— Ты говоришь о любви. Представьте, мистер Поттер, иметь живых и здоровых родителей и не помнить, когда в последний раз кто-нибудь из них говорил, что любит тебя? Да, я счастливая! — продолжала она. — Ты говоришь, что у меня есть Рон. Ну, позвольте вам сказать, мистер Поттер... Конечно, я признаю, что целовалась с ним однажды, между нами говоря, потому что он был одним из двух людей, которых я за все время знала, желающих поцеловаться со мной, но скрытно, чтобы никто не увидел его целующимся с таким страшным, жалким существом, как я! Ты же не думаешь, что он брал меня с собой куда-нибудь, где есть люди? Я не рассматриваю нас как пару, потому что он даже никогда не говорил, что любит меня, и никогда не скажет! Я абсолютно уверена, что он даже не знает смысла слова любовь, и я абсолютно точно знаю, что этот трус никогда не скажет мне этого!

Глаза Гермионы сузились, прожигая взглядом Гарри. Её нос практически касался его, когда она говорила. Гарри открыл рот, чтобы ответить, но она опередила его:

— И теперь единственный человек в моей жизни, которого я признаю своим лучшим другом, один из настоящих друзей, которые были у меня за всю мою жалкую жизнь, единственный человек, с которым я провела бессчётное количество часов, поддерживая и помогая ему, человек, с которым я делила каждый завтрак, обед и ужин, тот человек... — Гермиона замолчала и тяжело сглотнула. Её слезы падали на грудь Гарри, голос Гермионы стал нерешительным и ломким. — Единственный человек, о котором я забочусь больше, чем о ком-либо на этой жалкой планете, говорит мне, что я теряю своё время? Я ТЕРЯЮ СВОЁ ВРЕМЯ? — закричала Гермиона, отталкиваясь от скамейки и запуская свою руку под одежду, чтобы достать кошелек.

Гарри просто сидел, разинув рот, пытаясь переварить то, что сказала Гермиона.

— Прекрасно! — сказала она, бросая кошелек Гарри на колени. — Этого будет достаточно для того, чтобы добраться, куда ты хочешь. А я просто пойду домой к моей любящей семье, скажу им привет и запрусь в моей комнате, уткнувшись в книгу, пока ты не решишь, что нуждаешься во мне или лучше сказать, пока тебе не понадобится уродливая всезнайка, чтобы вытащить твою задницу из беды, в которой ты сам себя оставил.

— Гермиона... — сказал Гарри, внезапно вскочив со скамейки и потянувшись к ней.

Даже не утруждаясь проверить, не видит ли кто-нибудь из магглов, она крутанулась на месте и с хлопком дизаппарировала, оставляя Гарри стоять, протягивая руку к тому месту, где минуту назад стояла она.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3814087>